

Основы современной тактики и стратегіи. Генерала фонъ-Шлихтинга ¹⁾.

(Von Schlichting. Taktische und Strategische Grundsätze der Gegenwart).

МЫСЛИ О ПРИКАЗАНИЯХЪ ДЛЯ БОЯ.

(Глава III).

Военное приказаніе должно быть такъ просто, чтобы не посвященный читающій или слышащій его имѣлъ право вообразить, что составилъ его изумочное дѣло и что каждый здравомыслящій человекъ безъ труда на это способенъ.

Но для человека дѣла въ простотѣ приказаній сказывается наличность наивысшихъ начальническихъ способностей, ясное пониманіе положенія, сознательная воля.

Ульрихъ Вилле объ отдачѣ приказаній. Цюрихъ. 1897.

Искусство отдавать приказанія—столь важная отрасль ученія объ управленіи войсками, что мы никакъ не можемъ обойти обсужденіе его на этихъ страницахъ. Но всесторонне разсмотрѣть его теоретически, разумѣется, никакъ нельзя; оно требуетъ упражненія и провѣрки на конкретныхъ примѣрахъ, и авторъ, выраженіе коего поставлено эпиграфомъ надъ этой главой, недавно съ большимъ успѣхомъ пошелъ этимъ путемъ. Вышепомянутае изреченіе составляетъ у него введеніе, пусть оно и намъ послужитъ для разрѣшенія вопроса. Самъ Мольтке, великій и примѣрный современный мастеръ въ отдачѣ приказаній, ограничивается установленіемъ одного единственнаго учебнаго теоретическаго правила, вошедшаго съ тѣхъ поръ во всѣ наши наставленія. (Уставъ полевой службы и пѣхотный строевой уставъ).

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 9.

«Приказаніе должно содержать все, *но только* все то, чѣмъ подчиненный, для достиженія цѣли, не можетъ распорядиться самостоятельно».

Эти краткія слова стали яснымъ, основательнымъ закономъ, и правильное, настойчивое слѣдованіе ему съ теченіемъ времени сократило и очистило нашъ командный языкъ, подняло самостоятельность въ дѣйствіяхъ, безъ которой нынѣ невозможно никакое управление войсками, и очистило слогъ приказаній отъ всей накипи. Сравните приказанія нашихъ послѣднихъ войнъ съ такими-же Наполеоновскаго или Фридриховскаго времени, или боевыя диспозиціи прежде и теперь, и вы поймете, насколько противъ прежняго измѣнились пути, по которымъ идутъ наши военныя дѣйствія. Перемѣна вещей вполнѣ осязательно сказывается и въ этомъ направленіи.

Ни одно Фридриховское распоряженіе для производства ученія со своими приказаніями для боя нынѣ не пригодно, не имѣетъ смысла, и это утверженіе относится не только къ устарѣвшему стилю и измѣнившимся обычнымъ выраженіямъ. Тамъ и по существу было слишкомъ, для нашихъ современныхъ потребностей, много приказано и мало предоставлено усмотрѣнію исполнителя. Младшій начальникъ тѣхъ временъ *имѣлъ для достиженія одной цѣли гораздо меньше права дѣйствовать самостоятельно, поэтому-то старшій начальникъ и долженъ былъ больше входить въ подробности.* Это было слѣдствіемъ операціонной системы того времени и уставнаго единства всего строенія боя.

Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности слѣдовать на этихъ страницахъ по тому-же пути, какъ Вилле, и провѣрить правило по даннымъ случаямъ на дѣлѣ. Путь этотъ самый дѣйствительный для достиженія лучшей практики въ отданіи приказаній, и надо надеяться, что это поучительное сочиненіе будетъ имѣть продолженіе. Здѣсь мы можемъ пойти навстрѣчу этому образу дѣйствій лишь путемъ *историческаго* обзора развитія дѣла объ отдачѣ приказаній, въ послѣднемъ столѣтіи.

Въ архивахъ до нашего времени сохранилось нѣсколько отдѣльныхъ плановъ для большихъ ученій (маневровъ) Фридриха Великаго, и изъ нихъ намъ становится яснымъ, откуда взялись тѣ образцы, по которымъ и въ настоящее время вырабатываются программы всѣхъ ученій противъ обозначеннаго или мнимаго противника и по которымъ они дѣлятся на «моменты» и разыгрываются. Стилисту—тактику онѣ причиняли невѣроятный трудъ, сводишійся къ старанію

отъ него же избавить частныхъ начальниковъ. А этими средствами разыгрывались Фридриховскія сраженія. Ни одно колесико въ нихъ не смѣло выходить изъ своей роли, какъ напримѣръ Манштейнъ при Коллинѣ¹⁾, иначе все строеніе рушилось. Авторитетомъ великаго короля объясняется, почему такой способъ построенія, который все больше и больше входилъ въ преириательство съ требованіями мѣстности, могъ просуществовать такъ безконечно долго и даже пережить наши большія войны. Только нынѣшнія наставленія окончательно съ нимъ покончили. Но отъ него все-же осталось что-то, что препятствуетъ успѣшному проникновенію словъ Мольтке. Стремленіе много приказывать, отечески пещись обо всемъ, предвидя всѣ подробности, и предрассудокъ начальника, будто вліяніе его личности можетъ распространяться на весь ходъ сложныхъ боевыхъ дѣйствій—все это призраки, которыхъ никакими распоряженіями нельзя уничтожить и по сей день. Да и въ тактикѣ ученику-фокуснику легче вытаскивать изъ угла старую метлу, чѣмъ совершенно отвыкнуть ею дѣйствовать. Итакъ, на почвѣ отдачи приказаній новое время все еще борется со старымъ—какъ постоянно и въ природѣ послѣдній созидательный актъ съ предъидущимъ.

Начнемъ съ самыхъ низшихъ боевыхъ единицъ. Въ пѣхотѣ низшей тактической единицей, съ которой приходится считаться при управленіи, является батальонъ. Конечно, онъ самъ имѣетъ еще четыре единицы, которыя, однако, будутъ въ бою дѣйствовать отдѣльно отъ баталіона лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и направлять которыя вообще можно простой командой. Слѣдовательно мы можемъ ими не заниматься. Посмотримъ теперь на боевые строи баталіона и на тѣ средства, съ которыми онъ до 1888 года вступалъ въ бой. Въ то время каждый предпринимаемый имъ шагъ находился въ прямой зависимости отъ личной воли его командира. Независимо того, что въ своихъ стрѣлковыхъ взводахъ онъ сразу-же затрагивалъ всѣ четыре единицы одновременно, онъ принципиально на всѣхъ учебныхъ поляхъ опредѣлялъ, какую часть слѣдовало равномерно высылать впередъ. Исчезъ-ли теперь

¹⁾ Манштейнъ командовалъ правымъ флангомъ арміи Фридриха и имѣлъ приказаніе не атаковать раньше, чѣмъ обозначится успѣхъ лѣваго крыла и центра. Однако увидя передвиженіе у австрійцевъ, принятое имъ за начало отступленія, онъ не выдержалъ, пошелъ въ атаку, сначала овладѣлъ селеніемъ, но потомъ былъ атакованъ превосходящими силами и совершенно разбитъ, что послужило началомъ для общаго пораженія прусской арміи.

уже на всѣхъ плацахъ звукъ этой команды— «одинъ или два взвода въ цѣпь» —мы предоставляемъ судить нашимъ читателямъ. До 1888 года это было, во всякомъ случаѣ, необходимымъ условіемъ для начала правильнаго боевого дѣйствія; развѣ что рѣшались на болѣе рискованное средство вести бой въ ротныхъ колонахъ и не считали анархичнымъ явленіемъ такимъ образомъ надѣяться, что каждая рота сама сумѣетъ опредѣлить, сколько ружей ей потребуется ввести въ дѣло для достиженія своей специальной цѣли. Но для того, чтобы быть въ состояніи продолжать господствовать, имѣя лишь такія деспотическія формы управленія, необходимо было еще держаться и принципа направленія для слѣдующихъ позади боевой части сомкнутыхъ частей и т. д.

Забота о столь раздутой *дисциплинѣ* боя сдѣлала то, что доущипныя къ употребленію съ 1840 года ротныя колоны все еще долго оставались въ роли замарашки, которая стѣснялась показываться въ избранномъ обществѣ, хотя она уже доказала на войнѣ свою большую пригодность. Правило Мольтке относительно самого искусства отдавать приказанія не проникло еще за предѣлы генеральнаго штаба, только уставъ полевой службы далъ ему права гражданства, послѣ чего неудивительно, что и до сихъ поръ языкъ всякаго баталіоннаго командира начинаетъ заплетаться, когда онъ долженъ приказать своему ротному командиру *только* то, чѣмъ онъ для достиженія цѣли не можетъ самъ распорядиться. Этого примѣра хода введенія въ бой будетъ, пожалуй, достаточно, чтобы раскрыть ту пропасть, которая, относительно отдачи приказаній, отдѣляетъ настоящее отъ прошлаго. Затѣмъ, современный ли способъ веденія боя воздѣйствовалъ на приказаніе, или же послѣднее повлекло за собой первое, это намъ можетъ быть, въ сущности, безразлично; во всякомъ случаѣ, оба эти фактора необходимы для удовлетворенія современныхъ требованій тактики.

Въ конницѣ тактическая единица въ видѣ полка соотвѣтствуетъ таковой же въ видѣ баталіона въ пѣхотѣ. Проводить параллель между подраздѣленіями при различныхъ дѣйствіяхъ оружія, дѣло всегда плохое, и мы вовсе не желаемъ этого дѣлать здѣсь. Тактика обонхъ родовъ оружія слишкомъ уже много и долго страдала отъ подобныхъ уравнительныхъ стремленій. Пѣхота не можетъ драться въ линияхъ только оттого, что такъ поступаетъ кавалерія, и, наоборотъ, принципъ руководить командными единицами не можетъ быть безъ всякаго иного основанія перенесенъ съ пѣхоты на ея сосѣдку

по оружію. Тѣмъ не менѣе можно, конечно, установить извѣстное сходство въ іерархіи приказаній, и намъ тутъ недостаетъ въ конницы промежуточнаго звена, которое въ іерархіи пѣхоты существуетъ между баталіономъ и бригадой. Во времена Фридриха въ составѣ полковъ состояли баталіоны силой въ нынѣшній комплектъ полка. Если, благодаря образу дѣйствій даннаго рода оружія, постепенность оказалась не необходимой, то теперь боевое тѣло полка, вѣроятно, должно удовлетворять обоимъ требованіямъ тактики, и соответственно этому мы и должны здѣсь поставить и использовать данное тѣло. Но, вѣдь, объединенный для какого нибудь боевого дѣйствія кавалерійскій полкъ, очевидно, до конца гораздо болѣе управляется одинаковыми командами, чѣмъ дѣйствующій баталіонъ, и это измѣняетъ многое въ средствахъ отдачи приказаній. Только и тамъ надо, въ измѣненномъ видѣ, слѣдовать правилу Мольтке, если за частными начальниками должна быть сохранена ихъ тактическая самостоятельность, ставшая ихъ неотъемлемымъ правомъ, и новый уставъ для этого рода оружія написать именно въ этомъ смыслѣ, даже для большихъ сомкнутыхъ построений. Указываемое въ уставѣ назначеніе въ одну линію командныхъ единицъ, ѣзда по извѣстному направленію, предоставленіе вида строя отдѣльнымъ членамъ всего строя, ограниченіе командъ и въ особенности *signals*—все это суть вспомогательныя средства для подъема самостоятельности и предоставленія младшему начальнику всего, что онъ можетъ рѣшить самъ. Итакъ, этотъ родъ оружія также преклоняется предъ необходимостью предоставлять большую свободу дѣятельности частныхъ начальниковъ, чтобы добиться наивысшаго успѣха; и не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этомъ сказывается тактической успѣхъ въ искусствѣ отдавать приказанія.

Болѣе объективная, постоянно повторяющаяся форма боевыхъ дѣйствій артилеріи, дѣлаетъ разницу въ отдачѣ приказаній между настоящимъ и прошлымъ временемъ въ этомъ родѣ оружія наименѣе замѣтной, но она существуетъ и тутъ. Сравните явленія, которыя наблюдались раньше при всякомъ выѣздѣ артилеріи на позицію, съ правилами ея теперешняго устава. Тогда всякое развертываніе было подвластно желѣзной дисциплинѣ нѣсколькихъ простыхъ нормальныхъ законовъ, и, тѣмъ не менѣе, даже наивысшія инстанціи этого рода оружія считали долгомъ отобрать у подчиненнаго даже все то, что онъ самъ долженъ былъ предпринять для достиженія простой представлявшейся ему цѣли. Въ своихъ первоначальныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Хаклен-

дерь¹⁾ въ описаніи коренного артиллериста Туксена, очень живо и весело вывелъ подобный типъ.

Теперь уставъ требуетъ, чтобы даже при построеніи первой большой боевой линіи артилеріи, отдѣльнымъ отдѣленіямъ (дивизионамъ) или батареямъ было предоставлено больше свободы въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Старшій начальникъ не долженъ заниматься такими подробностями. Здѣсь также боевая сила рода оружія возрастаетъ параллельно съ возможностью для ея частныхъ начальниковъ самостоятельно избирать вѣрныя средства для достиженія поставленной цѣли. Тутъ опять нужно такое приказаніе, которое опредѣляло бы только то, чѣмъ батарея для выполнения поставленной задачи не можетъ распорядиться сама.

Гораздо болѣе значенія имѣеть то-же правило при выборѣ цѣлей и рода снарядовъ въ перемѣнномъ теченіи боя. Тогда какъ прежде рикошетное ядро (Passkugel) катилось сквозь всю глубину поля сраженія, теперешняя матеріальная часть постоянно принуждаетъ избирать одну изъ отдѣльныхъ цѣлей, причемъ тактическая важность послѣдней является рѣшающимъ факторомъ. При этомъ начальникъ никогда не можетъ дожидаться приказаній; тѣмъ болѣе требуется отъ него полное сознаніе подлежащей цѣли боя. Поэтому важность цѣли и опредѣлить для него правильное приказаніе, и въ этомъ смыслѣ онъ долженъ постоянно имѣть умственную связь съ старшимъ начальникомъ. Важную роль при этомъ играетъ также и могущая понадобится по ходу боя перемѣна мѣста. Уставъ артилерійской службы посвящаетъ особый отдѣлъ отношенію самостоятельности къ полезному содѣйствію въ исполненіи воли и желаній старшаго начальника, и лучшій результатъ можетъ быть достигнутъ лишь тогда, когда артилерійскому начальнику будетъ приказано все то, но именно только то, чѣмъ онъ не можетъ распорядиться самъ.

Этого обзора системы приказаній на низшихъ ступеняхъ, безъ которой далѣе во всѣхъ родахъ оружія обойтись нельзя, будетъ, пожалуй, достаточно. Она часто замѣняетъ собой команду и представляетъ ей постепенно суживающееся поле дѣйствій. Подъ конецъ сороковыхъ годовъ отъ войскового начальника требовался прежде всего зычный голосъ, теперь онъ едва ли поможетъ ему подняться на ближайшую гору. Управление боемъ съ отдачей соотвѣтственныхъ приказаній стало уже и для этихъ низшихъ чиновъ искусствомъ, которое требуетъ большого навыка.

¹⁾ Юмористичный вѣмецкій бытописатель, главнымъ образомъ, военный.

Черес.

Форма приказанія въ каждомъ данномъ случаѣ должна быть новой, ибо оно должно точно соответствовать положенію. Конечно, происходящая отсюда переменѣна въ выборѣ средствъ больше всего бросается въ глаза въ пѣхотѣ, потому что она болѣе другихъ была вынуждена кореннымъ образомъ измѣнить характеръ своихъ дѣйствій въ бою. Этимъ объясняется явленіе, какъ вообще могъ возгорѣться литературный споръ о вопросѣ, слѣдуетъ ли дѣлать разницу между «приказаніемъ» и «порученіемъ», только потому, что строевой уставъ пѣхоты, при случаѣ, употребляетъ послѣднее выраженіе вмѣсто перваго. Произошло это, вѣроятно, по причинамъ стильнаго (!) редакціоннаго свойства, но конечно не по болѣе серьезнымъ, потому что они оба опредѣляютъ тактически совершенно тождественныя понятія. Такой безцѣльный споръ въ состояніи совершенно измѣнить всю суть разбираемаго вопроса. Напомнимъ поэтому еще разъ, что всѣ уставы признають, кромѣ уставныхъ командъ, лишь два вила выраженія воли старшаго начальника, это *приказаніе и директивы!* (Уставъ полевой службы I, б). Вѣроятно, въ этой главѣ намъ еще придется разсматривать эту разницу. Во всякомъ случаѣ данное порученіе всегда является или тѣмъ, или другимъ и, на полѣ сраженія, всегда почти безъ исключенія приказаніемъ. А для критической оцѣнки обѣихъ формъ выраженія афоризмъ Мольте всегда останется для насъ единственнымъ пробнымъ камнемъ.

Такія теоретическія увертки просто стремятся обойти тотъ неудобный фактъ, что современнымъ боемъ нельзя уже больше руководить при помощи опредѣленныхъ уставомъ формъ, что онъ рѣшительно отвергъ линейную тактику и что для управленія имъ, больше прежняго, вмѣсто командъ, нужны приказанія. Бой не можетъ обойтись ни безъ извѣстной свободы, которую приказаніе должно предоставлять исполнителю, ни, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ правильно направленнаго самостоятельнаго мышленія частныхъ начальниковъ. Его не можетъ замѣнить ни зычная команда, ни свистокъ или знакъ. Послѣднія средства имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

До сихъ поръ мы разсматривали измѣнившееся значеніе формы выраженія приказанія на низшей командной ступени. Ей придется, коротко и ясно, обращаться просто къ ближайшимъ боевымъ цѣлямъ. Обыкновенно приказаніе передается устно, при случаѣ на листкѣ полевой книжки, и должно быть совершенно одинаково для

всѣхъ частей командой единицы, дабы каждая часть могла имѣть понятіе и объ общемъ ходѣ дѣла.

Обратимся теперь къ высшимъ задачамъ приказанія. Только тутъ сказывается вполнѣ его рѣшающее значеніе. Бригадѣ пѣхоты, кавалерійской дивизіи или бригадѣ дѣйствующей артилерійской линіи, въ сраженіи или бою всегда предоставляется совершенно опредѣленная задача. Она должна быть опредѣлена въ приказаніи непосредственно высшей командной инстанціи. Это ставить цѣль дѣйствія командной единицы въ связь съ общимъ дѣломъ, въ которую она вообще не въ состояніи ставить себя сама. Согласно правила Молтке надо добавить, что выборъ средствъ для достиженія поставленной цѣли слѣдуетъ затѣмъ предоставить всецѣло на усмотрѣніе исполнителя. Потому что оговорками и предупрежденіями болѣе всего болѣетъ перѣпительное, или недостаточно смѣлое управленіе. вмѣстѣ съ недостаточнымъ довѣріемъ къ самому себѣ или къ своей тактикѣ нарождается обыкновенно и недовѣріе къ подчиненнымъ ¹⁾. Отсюда идутъ вредныя добавленія на примѣръ, въ пѣхотѣ: слѣдуетъ занять позицію такъ то, или такъ то, если противникъ поступитъ такъ или этакъ, или, что наступленіе слѣдуетъ сначала вести до разстоянія 600 или 800 метровъ. а затѣмъ ожидать содѣйствія сосѣда, или, что того хуже, ожидать приказаній, овладѣть съ боемъ какимъ нибудь участкомъ. послѣ чего будутъ даны дальнѣйшія указанія ²⁾. Въ кавалеріи: атака ставится въ зависимость отъ опредѣленныхъ положеній, которыхъ старшее начальство всегда думаетъ быть въ состояніи добиться по своему желанію. Въ артилеріи: опредѣленные указанія, какія цѣли надлежитъ обстрѣливать или въ какое время слѣдуетъ перемѣнить позицію и т. д. Чисто теоретическое разсужденіе, естественно, не можетъ придумать, а еще того менѣе исчерпать всѣхъ превышеній власти въ приказаніяхъ, которыя данный случай лишь слишкомъ часто вызываетъ. Для этого надо идти прикладнымъ путемъ, которымъ со столь выдающимся успѣхомъ пошелъ трудъ Вилле. Здѣсь мы принуждены довольствоваться общими намеками. Руководясь ими, мы просимъ прослѣдить пути нашей новѣйшей военной исторіи и посмотреть, насколько лучше и легче было управлять безъ такихъ механическихъ вспомогательныхъ средствъ уже въ ближай-

¹⁾ Положа руку на сердце, не есть-ли это одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ нашего русскаго управленія войсками. красною нитью проходящій во всѣхъ почти приказахъ и приказаніяхъ въ войну съ Японіей?

²⁾ Наши дѣйствія въ войнѣ съ Японіей пестрятъ безконечнымъ числомъ такіякъ ошибочныхъ приказаній съ ихъ вредными послѣдствіями. *Перев.*

шемъ военномъ прошломъ, въ которомъ отдача приказаній далеко еще не была такъ освобождена отъ своей накипи, какъ въ настоящее время и насколько безъ нихъ взаимодѣйствіе въ сраженіи достигалось чаще, чѣмъ при наличности подобныхъ ограниченій. Тому, правда, помогало и другое выраженіе Мольтке, что на войнѣ никто не выражаетъ особеннаго стремленія приказывать. Оно заслуживаетъ полнаго вниманія при выработкѣ ученія о приказаніи.

Опытъ учить, что, при измѣнившемся способѣ веденія сраженій, воздѣйствіе свыше пикогда не можетъ поспѣть своевременно для цѣлесообразнаго продолженія дѣла. Для этого, при массѣ обстоятельствъ и ихъ разнообразіи, его кругозоръ слишкомъ великъ, чтобы входить въ детали, и подобныя попытки постоянно оказываются неудачными. Онѣ создаютъ или неудачу, или, въ лучшемъ случаѣ, ослабленіе побѣды. Совершенно измѣнившееся съ Наполеоновскаго времени возникновеніе сраженій прямо изъ маневра влечетъ за собою также и совершенно иную манеру приказывать, чѣмъ та, которая способствовала достиженію этимъ великимъ полководцемъ его громадныхъ успѣховъ. Тогдашнія боевыя предположенія, выработанныя до подробностей, когда войска находились уже въ боевомъ расположеніи, вызывали потребность опредѣленія въ приказаніи каждаго шага каждой боевой единицы въ отношеніи времени и мѣста, чтобы направлять ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли. Поэтому, сравнивать Наполеоновскія приказанія для боя съ современными совершенно нельзя. Система приказаній, стоящая на высотѣ нынѣшняго времени, можетъ только разъяснить части свои намѣренія и въ самыхъ общихъ чертахъ указать каждому его специальную цѣль. При этомъ, однако, въ отношеніи перваго пункта, необходимо соблюдать большую сдержанность. Ибо въ современномъ сраженіи намѣренія относительно управленія даже дивизіей или корпусомъ часто подвержены немаловажнымъ измѣненіямъ. Вспомнимъ, напримѣръ, случай съ 11-й дивизіей въ сраженіи при Кениггрецѣ, которой въ самой серединѣ боевыхъ дѣйствій пришлось перемѣнить фронтъ съ Неделишта на Розберицъ, что она и исполнила съ примѣрнымъ единствомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что начальнику этой степени приходится посылать свои командныя единицы въ бой, снабдивъ ихъ лишь самыми короткими приказаніями касательно цѣли ихъ дѣйствій, а средства выполненія ихъ предоставлять ихъ собственному

выбору. Пущенный въ игру козырь долженъ въ ней разбираться самъ. Его, правда, можно поддержать сбереженными до того силами, но нельзя безнаказанно уже удерживать его отъ его цѣлей. Отъ такъ называемаго «ожиданія приказаній» мы, во славу нашего оружія, основательно отучились, и кто же изъ насъ пожелалъ-бы вновь упасть на тотъ уровень!

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что первыми условіями для такого метода отдачи приказаній стоитъ наличность въ начальникѣ громаднаго довѣрія къ самодѣятельности подчиненныхъ. Онъ постоянно долженъ быть готовъ видѣть ошибки и стараться исправить ихъ тѣми средствами, которыя онъ еще имѣетъ въ запасѣ. Недостатка въ такихъ ошибкахъ по управленію войсками никогда, конечно, не будетъ, но мы встрѣчаемъ ихъ больше въ тѣ времена, когда полководецъ полагался на чисто механическую послѣдовательность уставно опредѣленныхъ дѣйствій для проведенія своихъ намѣреній, какъ Фридрихъ на Манштейна при Коллинѣ. Встрѣчаются схожіе примѣры и въ Наполеоновскихъ сраженіяхъ, и подобныя ошибки были тогда даже гораздо болѣе роковыми, чѣмъ теперь, потому что съ ними было несравненно труднѣе считаться. Начальникъ, рассчитывающій на умъ своихъ подчиненныхъ болѣе чѣмъ на ихъ память, несомнѣнно является относительно лучше обезпеченнымъ. Это всегда основательно доказывало уже каждое прежнее, раздѣленное на моменты, ученіе противъ обозначеннаго или мнимаго противника.

Затѣмъ, при современныхъ требованіяхъ боевыхъ дѣйствій, возникаетъ чисто теоретическій вопросъ, которая-же изъ сторонъ должна начать съ необходимаго для дѣла довѣрія—управляющій или управляемые? Нѣтъ его у перваго, и послѣдніе часто стапуть ждать приказаній, пропускать выгодные случаи и часто страдать отъ противорѣчивыхъ приказаній. И съ этимъ, очевидно, должно будетъ исчезнуть и ихъ довѣріе. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи *начать* долженъ управляющій. Практическій ходъ, принятый дѣломъ при измѣненной системѣ приказаній, согласно этому и протекъ у насъ на дѣлѣ. Часто упоминаемое въ этой главѣ основное правило исходитъ отъ Мольтке, и онъ-же, съ первыхъ шаговъ своихъ въ походахъ, выказывалъ непоколебимое довѣріе къ дѣйствіямъ частей арміи, надъ которыми онъ господствовалъ своими всегда удивительно краткими, но несомнѣнно ясными словами. Ошибки ихъ онъ принималъ постоянно со стои-

чекимъ спокойствіемъ и считался съ ними въ дальнѣйшемъ, и къ этому времени отчасти относятся недавно столь во зло употребляемые его слова, что стратегія состоитъ въ системѣ помощи. Дѣйствительно, полководецъ, въ зависимости отъ непріятельскихъ рѣшеній или неправильныхъ дѣйствій своихъ частныхъ начальниковъ, долженъ имѣть наготовѣ соответственную помощь. Подкрѣплять это замѣчаніе примѣрами нѣтъ никакой надобности, каждый день войны можетъ ихъ дать. Зато можно, наоборотъ, только посовѣтовать просто взять въ руки приказы главной квартиры, при помощи которыхъ ходъ громадной операціонной машины въ отношеніи передвиженія, боя и побѣды постоянно находился въ твердыхъ рукахъ и содержался въ полномъ порядкѣ. Благосклонный читатель увидитъ, что поставленные эпиграфомъ надъ этой главой слова Вилле какъ разъ имъ соответствуютъ. Приказаніе постоянно должно быть настолько просто, что получатель или читатель могъ подумать, что составленіе его шуточное дѣло. Но въ этомъ-то именно и состоитъ трудное искусство правильно отдавать приказанія! Лишь ясный и сильный духъ въ состояніи найти самое простое выраженіе для приказанія, которымъ цѣлесообразно разрѣшается положеніе, ибо это разрѣшеніе должно избирать наипростѣйшіе пути, иначе оно не годится, а найти наипростѣйшее трудно.

Теперь мы поднимаемся на ту ступень отдачи приказаній, на которой приказывающій, чтобы удовлетворять своей должности, долженъ еще обладать и хорошимъ стилемъ, потому что рѣчь, въ особенности письменная, существуетъ для того, чтобы выражать свои мысли въ формѣ, не допускающей никакихъ недоразумѣній. Это важнѣйшее средство сношеній таитъ въ глубинѣ своей всевозможные подводные камни, которыми пользуется дипломатъ, но которыхъ долженъ избѣгать отдающій приказаніе. Самое, повидимому, простое приказаніе, при случаѣ, толкуется подчиненнымъ самымъ неожиданнымъ образомъ, и раскаяніе является всегда слишкомъ позднимъ, если эти толкованія основываются на словахъ приказанія, ибо обстоятельства не допускаютъ своевременныхъ объясненій черезъ переговоры и разъясненія. Письменное приказаніе обращается, начиная отъ корпуса и вверхъ, къ такимъ войсковымъ соединеніямъ, которыя ускользаютъ отъ непосредственнаго и посредственнаго прикосновенія. Одинъ корпусъ будетъ вообще спѣшить къ полю битвы по двумъ дорогамъ, два корпуса, навѣрное, по нѣсколькимъ.

Такъ, напримѣръ, 1-й корпусъ, какъ извѣстно получилъ извѣщеніе о движеніи второй арміи къ полю сраженія у Кенинггрепа первоначально отъ главной квартиры, вслѣдствіе чего отъ него и ожидалось своевременное вступленіе въ дѣло. Но онъ считалъ себя связаннымъ съ инстанціей своего частнаго штаба арміи и, такимъ образомъ, онъ не могъ, благодаря болѣе длиннымъ путямъ, не опоздать. Различіе точекъ зрѣнія на общую обстановку войны въ началѣ 1870 года между 1-й арміей и главной квартирой, о чемъ мы пространно говорили на этихъ страницахъ, осталось несглаженнымъ до сраженія при Шпихернѣ. Такъ какъ такія тренія въ обоихъ случаяхъ не помѣшали побѣдоносному шествію армій, то причины ихъ остались неразобранными. Но какъ только онѣ повлекли бы за собой пораженія, ихъ слѣдовало-бы болѣе серьезно разсмотрѣть. Въ приказаніи должно быть опредѣлено все то, чѣмъ подчиненный не можетъ распорядиться самъ. 1-й корпусъ несомнѣнно укажетъ на то, что ему должно было бы быть указано опредѣленно, если-бы имѣлось желаніе, чтобы онъ выступилъ до полученія приказанія отъ своей арміи, между тѣмъ какъ главная квартира была другого мнѣнія, такъ-какъ, даже начавъ движеніе на Садову, корпусъ навѣрное могъ-бы своевременно получить спеціальныя распоряженія второй арміи. Штейнмець несомнѣнно также указалъ-бы, что онъ не получилъ достаточныхъ указаній о цѣляхъ нахождения его арміи впереди и позади рѣки Заара. Сочиненіе генеральнаго штаба подробно объясняетъ намъ, почему въ данномъ случаѣ этого не было сдѣлано. Мы привели эти случаи, чтобы показать, насколько даже осмотрительно отданное приказаніе, разнообразно понимается высшими инстанціями. Даже рука мастера стратегіи, при случаѣ, не вполне вѣрно выбираетъ слова изъ сокровищницы своей рѣчи, потому что для осуществленія приказанія постоянно пужны два лица—податель и получатель. Если-бы мы перемѣнили роли получателей въ двухъ избранныхъ примѣрахъ, то Штейнмець ¹⁾ навѣрно тотчасъ-же по полученіи приказанія изъ главной квартиры выступилъ-бы на Садову съ 1-мъ корпусомъ, а Бонинъ ²⁾ столь-же навѣрное съ 1-й арміей у Толе ежедневно и шагъ за шагомъ слѣдовалъ бы указаніямъ главной квартиры. Военная исторія лишилась бы тѣмъ двухъ операціонныхъ ошибокъ, безъ того, чтобы это вызвало необходимость измѣненія высшаго приказанія. Приходится при-

¹⁾ Командовалъ первой германской арміей въ 1870 г.

²⁾ Командовалъ 1-мъ прусскимъ корпусомъ въ 1866 г.

Перез.

знать, что въ дѣлѣ приказаній психологическій элементъ играетъ большую роль. Выражаясь менѣе учеными словами—старшій начальникъ долженъ хорошо знать тѣхъ, кому онъ приказываетъ. Одинъ, при случаѣ, нуждается въ подбадривающемъ словѣ, другой въ сдерживающемъ. Но такія свѣдѣнія о свойствахъ характера даетъ постоянно только сама война; они во всякомъ случаѣ имѣютъ для приказаній значеніе, которымъ очень и очень не слѣдуетъ пренебрегать.

При этомъ случаѣ скажемъ слово о другой формѣ приказанія, о директивѣ. По объясненіямъ устава полевой службы таковая умѣстна тогда, когда исполненіе какого нибудь распоряженія можетъ подвергнуться случайностямъ, которыхъ приказывающій не въ состояніи предвидѣть. Она должна «ясно указать желаемую *цѣль*, но предоставить *выборъ средствъ* для ея достиженія». Ясно, что прибѣгать къ помощи директивъ побуждаютъ особенно большія разстоянія, возникающія, когда отряды выдѣляются для дѣйствій болѣе далеко и тѣмъ требующія большаго промежутка времени для доставки приказаній. Директива, поэтому, является преимущественно исключительнымъ орудіемъ старшихъ и самыхъ высшихъ начальниковъ. Поставить ей, однако, въ этомъ отношеніи, опредѣленныя границы трудно. Форма директивы можетъ быть умѣстной въ видѣ исключенія также и для меньшихъ частей тогда, когда имъ неизбежно приходится предоставить выборъ между нѣсколькими рѣшеніями, въ зависимости отъ того, какъ сложатся обстоятельства. Мы должны, поэтому, обратить вниманіе читателя на то, какъ осторожно и размѣренно уставъ полевой службы ведетъ насъ, въ общемъ, отъ формы приказанія къ формѣ директивы. Этихъ замѣчаній должно быть достаточно для общаго выясненія сути приказаній, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Въ частности, Мольтке и тутъ оставилъ намъ классическіе образцы директивныхъ распоряженій. Таково письмо командующему Майнской арміей отъ 26-го іюня 1866 года (военная корреспонденція часть I, страница 314). Краткое освѣщеніе обстановки съ возникающими въ зависимости отъ рѣшеній противниковъ возможностями даютъ, опредѣляя общую *цѣль*, широкое и твердое основаніе для дѣйствій выдѣленной части всего войска, которой предписано только то, что съ нея можетъ быть потребовано въ отношеніи связи съ операцией въ Богеміи. Опредѣлено общее направленіе операций, способъ же исполненія предоставляется ея усмотрѣнію.

Что-же касается, наоборотъ, первой арміи у Толе, къ примѣру которой мы возвращаемся, то операціонное направленіе для нея еще не опредѣлилось настолько твердо, чтобы Мольтке желать самъ его указать, хотя бы только въ формѣ директивы. Мы видѣли и выяснили, насколько оно стояло въ зависимости отъ возможности непріятельскаго наступленія. ранѣе, чѣмъ вторая армія успѣла бы перешагнуть черезъ горы Хардта, и это было причиной, почему Мольтке предпочелъ первоначально передвигать всѣ части войска на всемъ операціонномъ фронтѣ по собственному усмотрѣнію, назначая имъ ежедневно цѣли движенія, дабы поддерживать ихъ взаимное другъ къ другу расположеніе. При этомъ онъ сохранялъ за собой право опредѣленія ближайшихъ цѣлей. Открываетъ намъ этотъ фактъ само сочиненіе генеральнаго штаба, и, пользуясь имъ, мы опять возвращаемся къ сути отдачи приказаній на расширенномъ поприщѣ. Оно представляетъ намъ то явленіе, что чѣмъ подлежащія направленію величины больше, тѣмъ сумма словъ, которыми ими съ увѣренностью можно руководить, меньше. Главная квартира опредѣляетъ цѣли маршей и границы пространства для движеній армій, а послѣднія поступаютъ также относительно своихъ корпусовъ. Корпусу придется сказать дивизіямъ несравненно меньше, когда онъ будетъ оперировать по двумъ дорогамъ, чѣмъ когда онъ будетъ двигаться по одной, ибо въ первомъ случаѣ отпадаютъ уже всѣ распоряженія, которыя относятся до самихъ войскъ, ихъ распредѣленія и порядка или до могущихъ встрѣтиться мѣстныхъ обстоятельствъ, такъ какъ съ опредѣленіемъ общей задачи дня, дивизіямъ обыкновенно сказано все то, чѣмъ онѣ не могутъ распорядиться по собственному усмотрѣнію. Кавалерійскія дивизіи впереди фронта армій, надо думать, будутъ въ такіе періоды дѣйствій снабжаться еще болѣе краткими приказаніями, такъ какъ послѣднія должны будутъ касаться больше чѣмъ дневной задачи. Вообще-же, держать себя въ курсѣ хода дневной задачи войска будетъ лежать на ихъ собственной обязанности. Разстоянія отъ источника указаній будутъ тутъ слишкомъ большими, конецъ собственныхъ передвиженій слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы допускать еще ежедневное воздѣйствіе путемъ приказаній. Здѣсь возникаютъ уже обстоятельства, къ которымъ относится уставъ полевой службы, и, въ большинствѣ случаевъ, придется прибѣгать къ формѣ директивъ. О томъ, какъ кавалерійская дивизія сама наиболѣе цѣлесообразно организуетъ

свою внутреннюю систему передачи приказаній, это мы уже опредѣлили и разобрали въ части 2-ой на страницахъ 162 и дальше.

Точно такія-же причины вліяютъ также и на способъ отдачи приказаній вообще при переходѣ отъ движенія къ бою. Предписаніе главной квартиры объ участіи второй арміи въ Кениггрецскомъ сраженіи, на примѣръ, доказываетъ намъ это. Въ сущности оно ограничивается призывомъ арміи къ рѣшающему мѣсту движеніемъ по лежащимъ передъ ней путямъ. Упрощеніе диспозиціи для сраженія со стороны главной квартиры прямо удивительно по сравненію съ Наполеоновскимъ временемъ, и поэтому то она вызвала противорѣчіе у большинства теоретиковъ. Послѣднія рѣшили, что такъ дальше продолжаться не можетъ, несмотря на то, что именно въ этотъ разъ оно привело къ такому блестящему успѣху. Такими средствами нельзя де провести единое боевое дѣйствіе. Куда дѣвалось бы вліяніе полководчества на ходъ сраженія, что станется особенно съ боевымъ наступленіемъ, которое надо де систематично начинать и благодаря которому умъ Наполеона постоянно обезпечивалъ себѣ успѣхъ; что съ взаимодѣйствіемъ всѣхъ частей, которыя должны планомѣрно готовить это главнѣйшее дѣйствіе боя?

Казалось бы, эти заботы могутъ почитаться въ достаточной мѣрѣ опровергнутыми опытомъ войны 1870 года. Отъ Седана до Сенъ-Каптена всѣ побѣды одержаны одинаковыми средствами управленія войсками; совершенно негодными ихъ, поэтому казалось-бы, считать не приходится. И потому именно, что, не смотря на все это, теоретическія сочиненія съ умомъ и страстью настаивали на продолженіи примѣненія тѣхъ средствъ веденія сраженій, мы и предприняли заканчивающуюся здѣсь трехтомную попытку доказать непригодность ихъ для нынѣшняго времени. Мы добавлять къ ней больше ничего не хотимъ и только еще разъ подвергли обсужденію противоположность между прошлымъ и настоящимъ въ отношеніи приказаній. Ученіе о нихъ Мольтке представляетъ составную часть всего его зданія управленія войсками, и оно оказалось бы вовсе негоднымъ для сраженія и боя, если-бы пришлось возвратиться къ старѣйшему способу веденія боя. Ибо къ послѣднему такая форма отдачи приказаній никоимъ образомъ не подходитъ, потому что тогда для каждаго такого отдѣльнаго акта, какъ развертываніе, планомѣрное начало боя, приготовленіе къ главной атакѣ и т. д. надлежало бы отдавать категоричное и подробное приказаніе. Куда и теперь еще исключительно должны

быть отнесены такія мѣтропріятія, это мы скажемъ въ концѣ главы. Итакъ, для полевого сраженія или для боя, полководецъ, а въ меньшихъ рамкахъ, командующій генералъ, распредѣляетъ цѣли или мѣстные предметы между своими разными боевыми единицами, опредѣляетъ сроки выступленія и т. д., послѣ чего онъ довѣряется ихъ дѣловитому взаимодѣйствію. Въ какой мѣрѣ ему, затѣмъ, остается проявлять свое воздѣйствіе въ началѣ боя это было достаточно описано при разборѣ встрѣчныхъ боевъ, на примѣрѣ второй арміи передъ Хореновцомъ ¹⁾, куда мы и отсылаемъ читателя. Выполнять приходится постоянно лишь акты самаго общаго и самаго простаго рода, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, своевременное новое пераспредѣленіе цѣлей движенія, при случаѣ, введеніе въ дѣло большихъ силъ артилеріи въ нѣсколькихъ корпусныхъ артилеріяхъ и употребленіе въ дѣло резервнаго корпуса. Все это средства, своевременное дѣйствіе которыхъ можетъ быть обезпечено главнокомандующимъ, и для этихъ-то цѣлей необходимъ новѣйшій приказъ по арміямъ, который опредѣляетъ бой. Онъ имѣетъ рѣшающее значеніе для *фигуры сраженія* и долженъ быть одинаковаго содержанія для всѣхъ командныхъ инспекцій, дабы знаніе ими связи всего дѣла освѣщало ихъ дальнѣйшіе шаги.

Если такой приказъ будетъ загромождаться побочными дѣлами, которыми корпусъ, дивизія и т. д. могутъ и потому должны распорядиться самостоятельно, то онъ становится недѣйствительнымъ, или все-же ослабляется въ своемъ дѣйствіи, потому что направляемый, находясь ближе къ врагу, и потому будучи и лучше освѣдомленнымъ о многихъ подробностяхъ, запутывается въ

¹⁾ Въ предположеніи, что австрійцы въ сраженіи при Кениггрецѣ занимаютъ позицію у Хореновца, всѣмъ корпусамъ второй прусской арміи было указано направленіе на два дерева у этого селенія, далеко видимыхъ со всѣхъ пунктовъ разстилавшейся впереди равнины. Благодаря тому, что головные два корпуса наступали по разнымъ дорогамъ, это распорженіе привело бы совершенно правильно къ атакѣ позиціи съ фронта и фланга. Для опоздавашаго 1-го корпуса это направленіе являлось неправильнымъ, такъ какъ выводило его въ затылокъ гвардейскому корпусу и на ту же дорогу, тогда какъ его слѣдовало-бы направить по другой свободной паралельной дорогѣ, что и лежало-бы на обязанности штаба арміи. Последнему, затѣмъ, оставалось лишь, въ зависимости отъ хода сраженія, направлять резервный 6-й корпусъ. На дѣлѣ позиція у Хореновца оказалась не занятой противникомъ, и сходявшіеся корпуса надлежало опять направить на новые пункты, противъ лежащей позади дѣйствительно занятой позиціи. Это и было-бы дѣломъ командующаго арміей и его штаба, но въ дѣйствительности дивизіи и корпуса распорядились самостоятельно, и хотя дѣло и кончилось побѣдой, но все-же было не мало путаницы и мѣшанія другъ другу.

Персс.

своихъ собственныхъ возрѣніяхъ на наиболѣе важное и второ-степенное и слишкомъ часто только впадаетъ въ противорѣчіе съ своими уже на мѣстѣ сдѣланными распоряженіями, а вмѣстѣ съ нимъ сбивается и высшее управленіе. Для большого начальника нѣтъ ничего опаснѣе преувеличенно разносторонней дѣятельности, которая побуждаетъ его думать, что онъ приноситъ большую пользу, потому что онъ много приказываетъ. Вѣдь тогда ему не хватаетъ времени для своихъ важныхъ мѣропріятій, а ихъ само по себѣ, при правильномъ образѣ дѣйствій, у него болѣе чѣмъ достаточно. Это обусловливается продолжительностью времени, котораго требуютъ простѣйшія передвиженія столь огромныхъ войсковыхъ массъ. Здѣсь играютъ роль слова Вилле о простотѣ приказаній, которыя обращаютъ отдачу ихъ въ шуточное дѣло, ибо каждый здравомыслящій человекъ долженъ быть въ состояніи понимать ихъ при первомъ-же чтеніи, иначе онъ теряетъ время, а именно у него-то лишняго времени нѣтъ.

Въ довольно сходномъ положеніи находится командующій генералъ, который подводитъ свои дивизіи къ полю сраженія по двумъ дорогамъ. Принципіально онъ будетъ пользоваться, въ ограниченномъ размѣрѣ, тѣми же средствами приказанія. Или онъ ведетъ обѣ дивизіи, по выборѣ цѣли движенія или позиціи, въ боѣ одновременно, или же эшелонируетъ одну относительно другой, которая дѣйствуетъ одна. Дальнѣйшимъ рѣшающимъ средствомъ управленія онъ обладаетъ въ лицѣ своей корпусной артилеріи, въ случаѣ, если штабъ арміи предоставилъ ее въ его распоряженіе.

Только тотъ, кто дѣйствуетъ по одной линіи движенія, будетъ заниматься распоряженіями относительно развертыванія своихъ войскъ для боя самъ. Высшее начальство озаботилось, чтобы для этого онъ своевременно узналъ все то, но только то, чѣмъ онъ для достиженія цѣли не въ состояніи распорядиться самостоятельно, т. е. ему должно быть извѣстно, предстоитъ ли его положенію стать наступательнымъ или оставаться оборонительнымъ, каково назначеніе сосѣднихъ величинъ и каковы конечныя цѣли ихъ движенія. Но становится яснымъ, насколько важную роль при этомъ играютъ, въ современномъ наступательномъ сраженіи, конечныя пункты движеній. Упорядоченіе ихъ, въ связи съ опредѣленіемъ сроковъ выступленія, гораздо вѣрнѣе и скорѣе обезпечиваетъ взаимодѣйствіе всѣхъ для одной цѣли, чѣмъ производимое раньше построеніе для систематичнаго созданія общей атаки въ сраженіи. Такому построенію сама мѣстность постоянно ставитъ разнооб-

разнѣйшія препятствія, ибо самъ храбрѣйшій изъ тактиковъ, не признающихъ надобности укрываться, вѣроятно, будетъ избѣгать подвергать уже эти приготовленія взорамъ или выстрѣламъ противника. Всѣ связанные съ этимъ невыгоды породили, затѣмъ, цѣлое множество предложеній о введеніи уставныхъ добавочныхъ положеній, какъ, напримѣръ, подходъ пѣхоты безъ выстрѣла на 400 метровъ или установленіе разстоянія, съ котораго артилерія надлежитъ открывать огонь. Все это правила, которыя, благодаря памѣтливости мѣстности или обстановки, ровно никуда не годятся.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобный образъ дѣйствій совершенно опровергнулъ бы все существующее ученіе о приказаніяхъ. Требуются распоряженія, которыя далеко выходятъ за предѣлы того, что подчиненный можетъ рѣшить самъ для достиженія поставленной цѣли. И кого-же можетъ тянуть къ возвращенію такого положенія, когда каждому начальнику стрѣлковой цѣпи руки были связаны съ самаго начала, когда онъ не смѣлъ пользоваться ближайшими, осязательными средствами, въ угоду окаменѣлому ученію о формѣ. Опасеніе, что онъ можетъ, при современныхъ правилахъ и подъ вліяніемъ правильно отдаваемыхъ приказаній, опять впасть въ столь устрашающее самовольство, является неосновательнымъ—во всякомъ случаѣ оно не должно побуждать къ связыванію его тактическаго чутья. Это значило бы изгонять чорта сатаной.

Нашъ обзоръ сущности отдачи приказаній для марша и боя, въ концѣ концовъ, привелъ насъ обратно къ исходной точкѣ этой главы. Мы опять подошли къ приказаніямъ для боя низшихъ командныхъ ступеней и не поддаемся искушенію описать дальнѣйшія подробности: для этого намъ пришлось бы обратиться къ отдѣльнымъ случаямъ, въ связи съ военной обстановкой, т. е. къ прикладному пути. Да и всякое болѣе глубокое проникновеніе въ подробности не могло бы не ослабить впечатлѣнія, которое этимъ разсужденіемъ о духѣ приказаній мы желали-бы оставить въ умѣ читателя. Въ отношеніи выставленія сторожевого охраненія, напримѣръ, уставъ полевой службы съ самаго начала своего существованія остался при прежнемъ опытѣ; первоначально онъ въ своемъ дальновидномъ попеченіи преподносилъ начальнику отряда, какъ и начальнику сторожевого охраненія, цѣлые рецепты для содержанія ихъ приказаній. Похвальное намѣреніе обратить вниманіе на все то, что въ этихъ развѣдывательныхъ и охранитель-

ныхъ отправленіяхъ *можетъ* имѣть значеніе, было не бесполезно. Только, практика немедленно же овладѣвала этими наставленіями, какъ какимъ нибудь расписаніемъ кушаній, котораго добросовѣстно надлежитъ придерживаться во время обѣда. При томъ же все, для даннаго желудка или случая болѣе или менѣе неудобоваримое или несъѣдобное, поглощалось вмѣстѣ и отвлекало отъ того, что въ данномъ случаѣ именно было наиболѣе полезнымъ. Опытъ показалъ на практикѣ, что чѣмъ проще и въ болѣе общихъ чертахъ выдержаны правила, чѣмъ тучнѣе становится почва для произрастанія правильныхъ распоряженій, которыя высказываютъ нужное и умалчиваютъ о томъ, чѣмъ, вслѣдствіе сего, частный начальникъ не долженъ распорядиться самъ. Пункты 138—140 устава полевой службы въ настоящемъ своемъ видѣ несравненно выиграли, примѣнившись къ общимъ правиламъ современнаго ученія объ отдачѣ приказаній.

Намъ остается сказать слово о такой обстановкѣ, когда приказывающій даже на высшей ступени вынужденъ войти глубже въ подробности приказываемаго, чѣмъ это вообще нужно въ полевой войнѣ. Очевидно, что это, согласно общему ученію, будутъ только такіе случаи, въ которыхъ подчиненный соотвѣтственно меньше знаетъ и можетъ знать, что ему предстоитъ исполнить, а съ такими обстоятельствами мы встрѣчаемся въ бою за укрѣпленныя позиціи. Мы уже неоднократно упоминали, что этотъ видъ боя приближается къ крѣпостной войнѣ; посмотримъ, поэтому сначала поближе, каковы въ этомъ случаѣ обязанности обороняющагося.

Никакой комендантъ крѣпости не можетъ поручить оборону извѣстной суммы верховъ значительной единицѣ войскъ и представить ей при этомъ самой опредѣлить силу ихъ гарнизоновъ. Опъ долженъ лично назначить, какъ слѣдуетъ распредѣлить силы и на какихъ основаніяхъ должна вестись техническая оборона вообще, ибо въ свое время созданіе укрѣпленія зависѣло именно отъ этихъ точекъ зрѣнія, и планомѣрное и объединенное взаимодѣйствіе всѣхъ настолько необходимо для общаго дѣла, что въ этомъ отношеніи распоряженія зависятъ всецѣло отъ центральной власти. Согласно этому придется поступать и при укрѣпленной позиціи, которая вообще, или въ теченіе опредѣленнаго времени, должна оказать наивысшее сопротивленіе.

Въ обычной оборонительной позиціи, въ условіяхъ полевого боя, каждой большой командной единицѣ назначается опре-

дѣленный участокъ; на ея попеченіи лежитъ возведеніе укрѣпленій по своему усмотрѣнію. Для всѣхъ этихъ работъ она нуждается исключительно лишь въ совершенно общихъ тактическихъ указаніяхъ. Для планомерно укрѣпляемой позиціи послѣднихъ далеко не достаточно. Центральная власть должна создать верки и распредѣлить силы, назначить мѣста батареямъ и т. д., иначе не осуществится высшая интенсивность силы сопротивленія. Къ ней относится точный расчетъ отношенія силъ гарнизоновъ къ резервнымъ отрядамъ и ихъ расположенію. Однимъ словомъ, въ подготовленной такимъ образомъ оборонѣ необходимо, чтобы господствовала лишь *одна* воля, всѣ остальные командныя инстанціи превращаются въ прямо подчиненныя органы ея. Очевидно, что такое положеніе требуетъ совершенно иного способа отдачи приказаній и что послѣднія должны гораздо больше входить въ подробности. Тотъ, кто желаетъ драться на подготовленной позиціи, долженъ въ своихъ диспозиціяхъ прибѣгать къ Наполеоновскимъ образцамъ, чтобы сдѣлать свою волю единственной господствующей.

Но несравненно интереснѣе будетъ для насъ образъ дѣйствій атаки. Въ предыдущихъ главахъ мы его достаточно описали. Когда операція приходитъ къ временному концу передъ одной или нѣсколькими подготовленными позиціями, то «атака на нихъ съ самаго начала должна быть со стороны руководителя *планомерною*». Это выраженіе пѣхотнаго устава даетъ намъ отправную точку, и съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ измѣниться и языкъ его приказаній, потому что «самодѣтельность каждаго не должна при этомъ увлечь развитіе дѣлъ въ область случайностей». Централизація приказаній въ высшей инстанціи становится всегда необходимой независимо того, придется ли принимать въ расчетъ соображенія, относящіяся до общаго ученія о полевой войнѣ, какъ въ приведенномъ въ предыдущей главѣ маневренномъ примѣрѣ, или-же все положеніе будетъ зависѣть исключительно отъ атаки на неприятельскую позицію, какъ подъ Плевной. Центральная власть управляетъ дѣйствіями атаки шагъ за шагомъ, совершенно такъ, какъ перелѣзъ крѣпостью. Одинаково создается также и для настоящаго боя и атаки участокъ, избираемый центральной властью, и на немъ идетъ приближеніе посредствомъ артилерійскихъ и пѣхотныхъ позицій, соответствующихъ паралелямъ передъ крѣпостью.

Послѣ всего рапѣе уже объ этомъ сказаннаго здѣсь не будетъ надобности упоминать о подробностяхъ, изъ которыхъ составляется такое боевое дѣйствіе; онѣ уже достаточно рассмотрѣны. Въ отно-

шеніи же отдачи приказаній, при этомъ, мы просимъ сравнить общій образъ дѣйствій передъ позиціей у Дюпеля ¹⁾, съ такимъ же въ полевомъ сраженіи. Прежде всего, надо оцѣнить въ этомъ случаѣ образцовое приказаніе для большой общей атаки въ послѣднемъ актѣ. Разница въ приказаніи по отношенію къ полевому сраженію прямо бьетъ въ глаза. Здѣсь, вообще, достаточно простого опредѣленія направляющей точки движенія, тамъ необходима разработанная въ подробностяхъ *програма*. Итакъ, только когда противникъ отказывается отъ операціонныхъ средствъ, которыми управляется современное веденіе войны, можетъ явиться надобность въ формахъ управленія Наполеоновскаго или Фридриховскаго времени, т. е. точныхъ рекогносцировокъ непріятельскихъ позицій и условій мѣстности и регламентирующихъ установленій для постепенныхъ дѣйствій каждой отдѣльной части. Потому то въ подобныхъ случаяхъ придется, вообще, для проведенія дѣла прибѣгать къ помощи *по меньшей мѣрѣ* одной ночи.

Наконецъ, добавимъ къ этой главѣ одно слово о редакціонной формѣ приказаній. Съ тѣхъ поръ какъ уставъ полевой службы съ полнымъ основаніемъ установилъ расчлененіе существа приказаній на отдѣльные номерованные пункты, слѣдуетъ все-же, вслѣдствіе накопленнаго при этомъ опыта, предостеречь отъ преувеличеннаго поклоненія этому правилу. Въ каждомъ военномъ начальникѣ у насъ таится болѣе или менѣе скрытый формализмъ, и онъ слишкомъ часто завладѣваетъ этимъ, казалось-бы столь для духа приказанія невиннымъ, положеніемъ. Одинъ хвалится многочисленностью своихъ пунктовъ, чтобы показать, какъ велика его предусмотрительность; другой блещетъ незначительностью ихъ числа, чтобы хрестатся своей краткостью. Уставъ полевой службы въ § 37 естественно далъ для чисто редакціонной обработки вполнѣ достаточную отправную точку; заботы подлежащаго лица о расчлененіи однако возрастаютъ, если и критика станетъ разсматривать этотъ предметъ, какъ идола, требующаго поклоненія на манеръ домашняго божества. Напрашивается предостереженіе, соблюдая такой уходъ за формой, не допускать, чтобы ни въ какомъ случаѣ не могла пострадать сущность приказанія. Раздѣленіе на пункты имѣетъ исключительной цѣлью собирать изъ отдѣльныхъ частей приказанія то, что должно идти вмѣстѣ. Это облегчаетъ обзоръ и, въ случаѣ надобности, ссылку

¹⁾ Датчань въ войну 1864 г.

на данную часть приказанія. Такимъ образомъ, только различныя мысли въ приказаніи должны составлять предметы для отдѣльных пунктовъ. Насколько недѣлима математическая точка, настолько же раздробленіе *одной* мысли по нѣсколькимъ рубрикамъ вредно. Поэтому, кто въ состояніи выразить въ *одной* мысли все то, что нужно знать подчиненному для своихъ распоряженій, тотъ былъ бы по прежнему не правъ, раздѣляя ее на различные пункты. Оперативныя записки Мольтке, которыми онъ приводилъ въ движеніе полумиліонныя арміи, въ большинствѣ, не имѣютъ никакихъ пунктовъ. Только подробныя распоряженія, обращаемаыя прямо къ войскамъ, напримѣръ къ походной колоннѣ, идущей по одной дорогѣ, придаютъ раздѣленію на пункты ихъ, и то всегда относительную, цѣпность, тѣмъ болѣе, что они обыкновенно должны содержать все то, что подлежащей командной инстанціи самой приказано свыше.

Отсюда происходитъ также, что только приказы по дивизіямъ обыкновенно доходятъ до войскъ. Они должны содержать и намѣренія низшихъ инстанцій. Только этимъ путемъ можетъ осуществиться нужное ограниченіе бумагописанія, что весьма важно не только для записныхъ книжекъ адъютантовъ и фельдфебелей.

Перевелъ Г. Л.

